

ТО ШЕПЧУТ, ТО КРИЧАТ.

Проблемы музыкальной эстрады волнуют сегодня многих. Особенно тревожит снижение профессионализма, а следовательно, общего уровня культуры. Мне как певцу хотелось бы высказать несколько мыслей о жанре вокальном, песенном, тем более что на современной сцене он оказался главенствующим.

КРИТИКА мелодической бедности программ ряда ВИА не связана с отношением к самому жанру. Возможности эстрадной вокально-инструментальной музыки очень богаты, вот потому так важен вопрос о том, как они используются. Демократизм средств ВИА — это огромная привилегия жанра, именно с ней связан удивительный, радующий и, увы, нередко пугающий его эффект.

Современная поэзия, музыкальные ритмы времени, новые тембры и инструментальные краски, лаконичные формы, технические приметы века, зрелищность и яркость — синтез всех этих начал, присущий ВИА, обеспечивает сильнейшее воздействие на зрителя. А как широка аудитория! Все удачи и все просчеты жанра множатся многократно.

Если эту силу направить в нужное русло — можно многого достичь в формировании идейных и эстетических представлений людей, особенно молодых. А если безответственно сочинять, выжимая из себя скудные капли «самовыражения», аранжировать, заимствовать, подражать, петь, экспансивно демонстрируя пустоту, то такая сила становится отрицательной. Она уже выходит из-под контроля самих «творцов» (к сожалению, многих самодеятельных композиторов ВИА можно так называть только в кавычках), ставя их, да и всех нас в положение пресловутого ученика чародея перед лицом стихийной антихудожественности.

У нее в плену оказывается музыкальная пропаганда. А казалось бы, ей-то и надо держать под контролем содержание программ вокально-инструментальных ансамблей. Впечатление же такое, что в море текстов, часто пустых по содержанию, эмоций, часто нездоровых, мелодий, часто бедных и невыразительных, у критики нет своих «маяков»: ясных критериев отбора. Кажется, что значение имеют только имена исполнителей, а не то, что они поют, не музыкальные произведения, а если последние учитываются, то выбирается нейтральный «товар».

Псевдофилософские мотивы модных текстов и пестрая гамма раздерганных настроений никак не способны облагораживать слушателей. Они лишь воспитывают невзыскательность в чувствах и поверхностность переживаний, навязывают стандартные мысли. А ведь песни должны нести чистоту и красоту душевных движений.

Доверительность, проникновенность поэзии и музыки, к которой очень тянутся слушатели (именно на этом спекулируют многие поэты-песенники, или, как их называли, «текстовики»), ничего общего не имеют со сплетениями слов типа «я пришла», «я ждала», «ты не пришел», «ты ушел» и так далее. Из непереплавленных бытовых интонаций образы не рождаются. Вечная тема любви, человеческих отношений теряет в подобных песнях красоту и искренность. Песни исполняются с надрывом, претенциозностью или с неестественной веселостью. Когда нечего сказать, ищут эффектный антураж, костюмы, усиливают гром электронной аппаратуры.

Но, к сожалению, даже известные и популярные наши исполнители порою уступают напору подобных поэтических поделок.

Несмотря на всю специфику ВИА и прочих жанров эстрады, критерии художественности остаются неизменными. Но если мы по-настоящему меряем ими ВИАпродукцию, то это выльется в воспринимается почти максимализмом, тогда как должно быть естественным! Красота, прав-

да, сила выражения, богатство мира образов... Увы, в общем потоке легкой «музыки вокруг нас» эти критерии просто тонут. Невольно согласишься с мнением довольно резким, что в окружении так называемых популярных мелодий «в голове образуется свалка, на которой гниют обрывки шлягеров». Плачевна роль такой музыки в жизни современного человека.

Бедны и невыразительны по мелодии стали многие наши песни. В них или нечего показать артисту, имеющему голос, или крайне трудно, а порою просто невозможно петь. Скачкообразная мелодия топчется на месте, на самых неудобных для голоса нотах или летит вдруг вверх, в интервалах более октавы, потом вниз неожиданно и, главное, неоправданно. Эстрадные певцы то «шепчут» в нижнем регистре (спасибо, спасает микрофон), то кричат, злоупотребляя белым звуком. Не случайно многие песни как быстро рождаются, так и умирают.

МЫ помним, какое значение имела песня для исполнительских традиций в вокальном искусстве. «Россию» А. Новикова пели С. Лемешев, С. Хромченко, Е. Веляев и многие другие. А как любили певцы песню Мокроусова «Заветный камень»! Среди ее исполнителей были А. Пирогов, М. Рейзен. Не случайно она вошла в вокальную классику. Сейчас ее поют многие артисты, по-прежнему не только эстрадные.

А романсы Шапорина, Хренникова, Свиридова — это ведь подлинная вокальная школа. На них учатся современные вокалисты. А, скажем, песня Долуханяна «Рожь» — я ее пел многие годы и она удивительно тепло принималась любой аудиторией. В таком перечислении нельзя забыть «Соловьи России» Левашова или «Над Ульяновском». Кстати сказать, это, на мой взгляд, одна из лучших песен о Ленине. А сколько лет звучат «Темная ночь» Богословского и «Подмосковные вечера» Соловьева-Седого! На всех этих песнях — и мелодичных, и «тесситурных» для вокалистов, удобных для пения, воспитывалось не одно поколение не только эстрадных, но и оперных певцов. Вот почему среди других причин большинство песенников на сегодняшней эстраде стали возвращаться к песням прошлых лет — там есть что петь!

Одна из причин удручающего однообразия песен, звучащих в программах ВИА, заключается, по-моему, в незнании их авторами элементарных норм вокала. Композитор, сочиняющий песни для солистов ВИА, непременно должен знать вокальные краски, особенности диапазона, слабые и отлично звучащие ноты в регистрах вокального аппарата, считаться с голосом. Без этого невозможно развитие жанра.

Вспомним пример из истории вокального искусства. Сейчас трудно судить, кто кого «создал» — Мусоргский Шалыпина или Шалыпин оперу Мусоргского, но то, что эти два гения слились воедино и дали миру ряд выдающихся художественных открытий, — бесспорно. Здесь мы слышим и видим, как каждая фраза, особенно для баса, написана удобно для пения. Именно музыка, голос певца доносят до слушателя всю глубину содержания в операх и романсах Мусоргского. Композиторы-классики оперного, романсового творчества знали возможности диапазона любого голоса, все тонкости нашего нелегкого вида исполнительства. К сожалению, современные эстрадные авторы, пишущие для ВИА, не проявляют подобной заботы о певце.

ПРОБЛЕМА заключается не только в композиторах. У нас сегодня появилась огромная армия непрофессиональных певцов и музыкантов. Прекрасна наша самодетельность. Мы все, особенно те, кто вышел из нее на профессиональную сцену, исполнены благодарности и уважения по отношению к ней. Но все мы после участия в самодеятельности прошли большую школу, получили специальное образование. В искусстве без творческих мук, учебы, большого труда ничего не бывает. Можно, конечно, научиться танцевать, играть в оркестре народных инструментов, петь народные песни и, наверное, более одаренным ребятам даже рекомендовать идти на эстраду, но без образования, как правило, жизнь творческая у них будет, как показала практика, короткой. Мне кажется, что очень многие юноши и девушки оторвались от их истинного призвания, пополнив армию неодаренных музыкантов. Я знаю случаи, когда люди с высшим техническим образованием устраиваются работать ночными сторожами, дворниками, чтобы играть в самодеятельных ансамблях, посвятив целиком себя музыке! И это проблема очень серьезная, выходящая за рамки искусства.

Эстраду заменили сегодня плохим вокалом. В этом потоке «утонули» все ее остальные жанры. Обилие ансамблей, отсутствие профессионального образования неминуемо должны были привести и привели к общему снижению эстрадной культуры. Забыты многие традиции. Редкими гостями стали на эстраде мастера большого вокала. А я и сейчас не могу вспомнить без волнения, как пел А. Пирогов «Широка страна моя родная», а М. Рейзен — «Заветный камень». Или русские песни в исполнении С. Лемешева, старинные романсы Н. Обуховой, И. Козловского, В. Борисенко и других. Это ведь тоже эстрада. А как часто сегодня мы слышим певцов с диапазоном в одну (!) октаву, примитивные мелодии, которые не могут «вырваться» из терции или кварты. Странным кажется и пение, построенное на одном белом звуке или оригинальном «звукоедении», которое можно исполнять как краску, но не как стиль, постоянную манеру, на которой основана вся программа.

«Советская культура» совершенно справедливо уже выступала по этому поводу.

Я знаю, как трудятся настоящие артисты. И труд дает результат — многие имена не сходят со сцены. Истина не новая, но почему же столь актуальна? Только знания, высокий уровень квалификации и труд принесут то, что мы называем «художественным» явлением.

Я не могу не разделять тревожных слов М. Кажлаева из его выступления в дискуссии «Музыка вокруг нас»: «Десятки доморощенных музыкантов, шлягерных певцов с уверенностью берутся за воспитание вкусов огромных аудиторий». А имеют ли они на это моральное право?

Одна беда — непрофессионализм эстрадных исполнителей. Другая — отсутствие среди тех, кто воспитывает вкусы на музыкальной эстраде, ярких индивидуальностей.

Если мы и встречаемся со своеобразными творческими палитрами (а индивидуальность всегда выражается в интерпретации любого маленького или большого произведений), то с высокой духовной наполненностью, музыкантской зрелостью — очень редко. Для того чтобы воспитывать вкус, надо иметь вкус (а для этого надо получить хорошее, крепкое специальное образование). Чтобы заставить слушать себя, нужно умение выбрать из сотен произведений то, в котором можешь раскрыться как артист и певец.

Нельзя забывать в наше быстро летящее время о силе воздействия музыки — ни тем, кто творит ее, ни тем, кто доносит ее до слушателя.

Антон ГРИГОРЬЕВ,
народный артист РСФСР.